

18+

Зорин Арон
Джурбурд

Яромир Зорин

Эвирвуд

<https://litres.ru/74246444>

ISBN 9785007045803

Аннотация

Вышедшая из комы Агата вынуждена переживать трудные времена. Родная мать оставляет её наедине с неизвестностью. Таинственные фантомы посещают девочку и молят о помощи. Как разрешится её судьба в итоге и узнает ли она истинную правду о своём прошлом? Кто она на самом деле и как связана с проклятием города Эвирвуд?

Содержание

1	7
Новая жизнь	8
2	14
Подарок	15
3	21
Пять лет назад	22
4	27
Хейзел	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

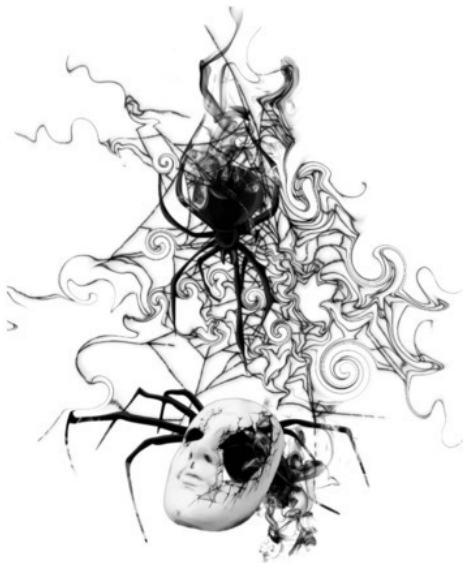
Эвирвуд

Яромир Зорин

© Яромир Зорин, 2026

ISBN 978-5-0070-4580-3

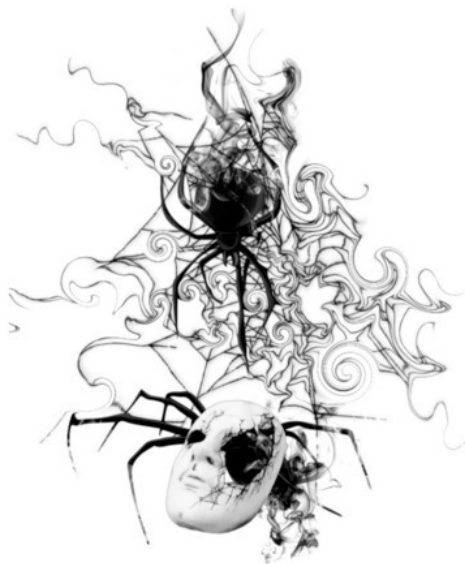
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эвирвуд

*Из бездны и глубин
Сквозь горе забвенья,
Явись на мой зов,
Господне творение.
Ты пленница мира
Покинутых душ.
Мой зов — это свет
В ослепшем тумане.
Вдохни снова жизнь,
Ты — узница мрака.*

1

Новая жизнь

Жаркое июньское солнце освещало храм на холме. Это был величественный темный особняк, носивший имя Святой Августы. К храму был пристроен детский приют. Я наблюдала из окна маминой машины, как многие женщины в черных нарядах суетливо носят тарелки с едой, погребальными венками и суетятся в похоронной кутерьме. Перед мамой стояла старушка в белом наряде и о чем-то говорила.

Спустя некоторое время мама вернулась в машину, пристегнула ремень, взглянула на меня и улыбнулась. Ее серые глаза все еще были покрасневшими от слез — не радости, как она мне сказала несколько дней назад в больнице, а слез матери, которая уже отчаялась снова увидеть свою дочь в сознании. Я точно не помню, что со мной происходило до того, как все случилось, но доктор Боб Гористир говорит, что это нормально, и мои воспоминания о прошлом придут постепенно, ведь два года в коме — это большой срок для четырнадцатилетней девочки вроде меня.

— Дорогая, все хорошо. Волнуешься? Ты, наверное, не помнишь, но в нашем доме тебя ждет Горошек.

— Горошек?

Я не понимала, о каком Горошке шла речь и почему именно сейчас. Думаю, моя мама просто не хотела подавать вида, что она жутко за меня переживает, и пыталась чем-то занять меня, чтобы я ненароком не задавала неудобных вопросов, на которые будет трудно ответить. Это было неправильно со стороны мамы — не говорить мне о причине попадания в

кому и о том, что было до этого. Возможно, она просто посчитала, что мне не следует сейчас напрягать мозг, и оставила все на волю случая. По крайней мере, сейчас мои воспоминания не столь важны, как мое физическое состояние.

Мы около часа ехали в маминой машине по извилистой дороге, вдоль которой росли деревья. Я с грустью смотрела в окно и думала, что происходило со мной раньше и что ждет меня в будущем. Вот мы наконец приехали домой, и, по правде сказать, я не могла себе даже представить, что когда-то тут вообще кто-либо жил. Передо мной стоял старый, задыхающийся от своей бедности маленький домик. Крыша домика была перекошена вбок, из трубы струился слабый черный дым, словно последнее издыхание умирающего от какой-то неизвестной ранее болезни существа. Входная дверь дома, очевидно, не единожды перекрашенная во всевозможные для мира и фантазии владельцев цвета, очень плохо поддавалась жалким и натуженным попыткам мамы ее открыть.

— Сейчас, сейчас, дорогая, тут просто замок очень старый.

По виду мамы не было похоже, что проблема в замке, скорее, все ее кривляния и танцы у двери задавали лишь один вопрос: куда подевался ключ или неужели я сошла с ума и на самом деле мы не живем в этом сарае и все это нелепая шутка? Но тут дверь отворилась с жалобными стонами тысячи кошек, и в мой нос влетел запах пыли; надеюсь, что пыли,

потому что пахло сильным старьем и гнилью. Так, наверное, пахнут залежавшиеся на чердаке забытые годами вещи или пожилые люди после спортзала.

Мама вернулась к машине, открыла багажник и достала мои ноги, точнее сказать — инвалидное кресло, которое будет мне новыми ногами, пока я на них не смогу встать самостоятельно. Доктор Боб говорит, что мое тело отказывается двигаться не из-за того, что оно не может, а просто из-за психосоматического расстройства. Если бы я еще знала, что это такое! В любом случае, моя мама велела мне не переживать и просто оставить все эти проблемы на ней, я же, в свою очередь, должна ни о чем не переживать и найти для себя какое-нибудь спокойное занятие для досуга.

Сидя в инвалидном кресле, я постепенно приближалась к дому, запах старья все усиливался, и тут неожиданно я встретила лицом к лицу с каменной дорожкой, которая шла от крыльца дома до ржавой изгороди вокруг дома, по периметру которой росли увядшие кусты рододендронов.

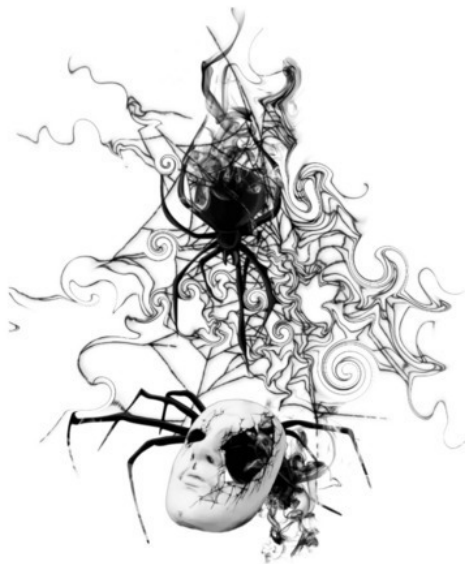
Мать засуетилась и с воплем пыталась посадить меня обратно в кресло, но удавалось ей это очень непросто. Со стороны слышался скрип калитки, а затем такой же ржавый и скрипучий, как калитка, голос. Мама обернулась и увидела пожилую полную женщину, одетую в синий халат с огромными желтыми подсолнухами, на голове у нее был платок коричнево-красного цвета, на ногах — красные меховые тапочки. Несмотря на то, что на улице август, она носила теп-

лую домашнюю обувь — это, как и весь ее вид, было чудачковатым. Кожа женщины казалась пожелтевшей, но, немного приглядевшись, мама убедилась, что действительно кожа, как и глаза дамочки, желтого оттенка, должно быть, это какая-то болезнь.

Старушка сделала пару шагов к нам и сказала. Ее голос был похож на холодный ветер, который дует с моря, или на метель в новогоднюю ночь; стало некомфортно.

— Настоящее несчастье ждет вашу семейку! Самое страшное, что может случиться при переезде в новый дом, — это припечататься мордой у самого его порога. А ведь было сказано: «На пути своем не споткнись...» Теперь вас всех сожрет бездна, и карма не заставит себя ждать.

Мы, затаив дыхание, глядели на уходившую старушку, и я вдруг почувствовала, как что-то теплое полилось из носа, это была кровь. Мама как можно скорее завезла меня в дом и закрыла дверь.

Подарок

Дверь закрылась, но не до конца — маленькая полоска дневного света проскользнула внутрь и осветила тёмную комнату. Всё вокруг было покрыто пылью и паутиной, в углу стояла кровать-полutorка с пружинным матрасом из ржавого металла. Рядом с ней стоял стул с протёртой синей сидухой, а на полу под ним красовался пошарпанный ковёр с узором в виде мозаики. Другой угол был очень тёмным, полоске света не хватало, чтобы достичь его и осветить. Там, куда свет всё же добрался, было видно небольшое плетеное кресло с подушкой в виде солнышка. Комната была не очень большой и, несмотря на отсутствие окон, в ней была раковина, выступающая из стены возле левой части кровати. Весь домик и был этой единственной необжитой комнатой, явно не ждавшей, что кто-то сюда явится.

Мама подвезла меня к центру комнаты, достала из-под красного свитера, который совсем не сочетался с её каштановыми волосами, платок и вытерла кровь с моего лица. Раздался телефонный звонок, откуда исходил звук, было трудно понять, но тут мама нашла выключатель, хитро примостившийся под раковиной, и комнату озарил тусклый жёлтый свет одинокой лампы на потолке. Мама легко нашла телефон, лежавший возле кресла. Как выяснилось, возле кресла был ещё и табурет на трёх ножках, на котором стоял те-

лефон. Вся комната была освещена жёлтым, кроме дальнего угла, который по-прежнему был тёмным, но уже не настолько страшным, потому что еле заметно, что в том углу стоит пустая вешалка.

— Алло? Да! ДА! Уже? Надо же... так скоро... хорошо, огромное спасибо, я... да, я поняла... нет, что вы, никто... да...

Мама говорила по телефону взволнованно и часто поглядывала на меня. Разговор был окончен, и она присела на колени возле меня. Её нежная холодная рука скользнула по моим рыжим волосам, и со вздохом мама поднялась. Затем она просто, без объяснений, вышла на улицу, закрыв дверь.

Я осталась одна посреди комнаты и ждала, что мама сейчас вернется за мной, и мы вместе уедем из этого места, но прошло уже много времени, не знаю, сколько точно, но достаточно, чтобы проголодаться и захотеть, чтобы эту жуткую тишину прервал чей-то голос.

— А...

Я произнесла вслух звук, чтобы убедиться, что не онемела, и чтобы эта гнетущая тишина пропала, но было бы глупо разговаривать самой с собой. Тогда я решила попробовать пошевелиться — ничего. Ещё пару попыток, и всё равно всё тело как будто чужое и вовсе не имеет ко мне никакого отношения. Куда ушла мама, и почему её так долго нет, и кто ей звонил? Все мысли об этих вопросах улетучились с появлением странного потрескивания над моей головой. Я металась взглядом из стороны в сторону, и вдруг свет погас. Темнота окутала всю комнату, я закрыла глаза и затаила дыхание, казалось, что если я это сделаю, то мои страхи меня не найдут в темноте, и всё будет хорошо. Сердце колотилось, и всё тело бросило в жар, а по коже пробежал холодный пот. Раздался тихий детский голос, потом к нему прибавился ещё более громкий, и ещё, и ещё, множество детских разных голосов заговорили в темноте. Создалось впечатление, что я нахожусь в зале и слушаю детский песенный хор, который говорил.

— Ты можешь сколько угодно бежать от воспоминаний и от содеянного.

Помни одно...

На пути своём не споткнись...

И в бездне отчаяния не захлебнись.

Деянья твои словно сон наяву,

Но нити судьбы тебя тянут к гробу.

Ты убегаешь, не глядя назад,

Где карма тебя настигает, как ад.

Я открыла глаза и увидела детей, окруживших меня, они держались за руки и водили вокруг меня хоровод, напевая слова. Их кожа и одежда были ослепительно белыми, от них исходил странный запах. Я металась взглядом с одного ребёнка на другого, вот-вот хотела закричать от страха, но дети перестали петь и ходить кругами, несколько из них расступились, образовав проход, в котором появился ещё один ребёнок, выглядевший иначе, чем другие. Это была девочка, одетая в яркий наряд, сияния от неё не исходило, скорее, наоборот, от неё веяло жутким холодом. Приблизившись, я смогла её чётко разглядеть: девочка с разным цветом глаз — один был полностью белым, как у слепых, а другой — янтарно-карий. Нарядное платье её поделено на две расцветки: одна часть была фиолетовой в жёлтый горошек, а вторая — в синий с красными звёздочками. Волосы были пышными с позолоченными прядями, но основной цвет был почему-то рыжий, как цвет гнилой листвы. Девочка крутила руками зонтик жёлтого цвета, и, закрыв его, полился дождь из капель крови. Я взвыла от ужаса, и тут раздался мамин голос.

Мама стояла возле меня на коленях с окровавленным платком в руках, взволнованный взгляд её устремленно врезался в меня.

— Что случилось?

Я не понимала, что произошло, мама ведь недавно ушла,

а теперь она вновь тут...

— Вот, дорогая, это тебе... привезли твой подарок, сегодня ведь твой день рождения.

Мама положила мне на колени фарфоровую куклу, одетую точь-в-точь как та девочка.

Пять лет назад

В городе Эвирвуд лил сильный ливень. Словно густой суп, он застилал собой весь город и скрывал от посторонних глаз под своим туманом происходящее у порога храма. В храме святой Виктории случилось несчастье: девочка по имени Оливия Пристли скончалась при выходе из храма. Причина смерти была неизвестна, ведь установить ее могли лишь в больнице, но София, мать-настоятельница храма, не стала обращаться ни в полицию, ни тем более в больницу.

— Гретхен! Ты видишь, она мертва! Сейчас самое время попробовать способ Виктории из ее дневника! Тащи скорее дневник! Не думала я, что придется потратить всю свою сыворотку на Оливию, но, уверяю, это того стоит. Теперь мы сможем воскресить Викторию и поместить ее душу в тело Оливии, я уверена.

Женщина, которую звали Гретхен, седая и взволнованная, бросилась к дверям храма. Ливень все усиливался, и резкий порыв ветра запер в стенах храма всех, кто в нем находился, включая вбежавшую женщину. София на минуту оторвала свое внимание от тела маленькой девочки и бросилась открывать двери храма, но те не поддавались.

— Проклятье! Если не попробовать использовать дневник на свежем теле, то ничего не получится! Что ж, тогда у меня не остается выбора, кроме как...

София оттащила тело девочки на задний двор и, убедившись, что никто посторонний не видит ее (под посторонними подразумевались те, кто не жил и не работал в храме), принялась раздевать девочку. Засучив рукава, София достала из-за пазухи кулон в виде клинка и, перевернув девочку на живот, принялась резать тело на части.

— Никто не должен тебя найти такой. Я обязательно воскрешу тебя, Виктория! Даже если ради этого придется немного подержать в маринаде твои органы. Так, сначала сердце, теперь печень...

Пожилая дама сняла со своей головы белый платок и аккуратно завернула все органы девочки в него. Снова осмотревшись, она спрятала комок в окровавленной ткани и собиралась спрятать его под рясой, но к ней из ниоткуда подошла Гретхен с маленькой книжицей в руках. София уронила окровавленный груз в грязь и велела Гретхен взять его и спрятать от любопытных носов.

— София, а как же быть с кровью? Вы испачкались, вытрите о мою темную ткань свои прекрасные руки.

— Иди, иди же! Я дальше сама.

София судорожно, словно обезумевшая, стала перелистывать страницы дневника, но ничего не могла найти. Неожиданно ей попалась страница, на которой была изображена женщина, к которой пришивали части тела, и, судя по рисункам, она потом ожила. Честно говоря, София хоть и знала латынь очень хорошо, всех деталей разобрать не могла.

Текст части разворота этой страницы был вырван. Страх и отчаяние, что все ее труды и долгие поиски пойдут ко дну, притупили ее разум, и она произнесла слова...

*— Из бездны и глубин,
Сквозь горе забвенья,
Явись на мой зов,
Господне творение.
Ты пленница мира
Покинутых душ.
Мой зов — это свет
В ослепшем тумане.
Вдохни снова жизнь,
Ты — узница мрака.*

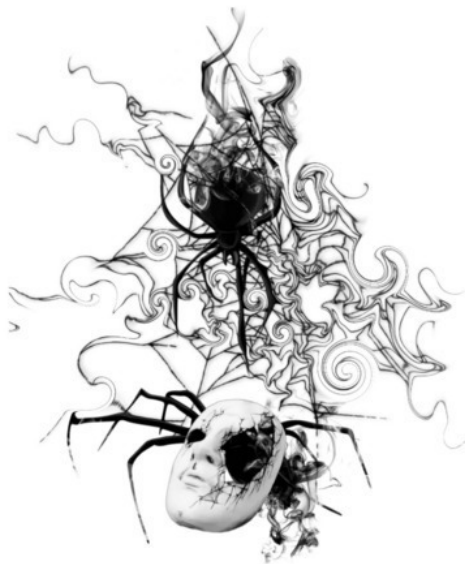
Ветер усилился и взвыл, словно зверь. Туман стал абсолютно непроглядным, холод пронизывал все тело, так что Софии показалось, что она сама живой труп. В тумане тело Оливии стало трепыхаться, разрубленные части на теле стали покрываться фарфором, и она сама стала как фарфоровая кукла, внутри которой ничего не было. Тело стало подниматься на ноги, и длинные черные волосы девочки, доходившие раньше до плеч, теперь стали длиннее в два или в три раза. Волосы колыхались в тумане, словно под водой. София с кривой, явно нервной улыбкой таращилась на то, как к ней приближается Оливия, которую она минуту назад выпотрошила, как собака подушку. Оливия приблизилась к Софии вплотную, и та припала перед ней на колени и вознесла свои

кровавые ладони к небу.

— Наконец-то я оживила тебя, Виктория...

Не успев договорить, София почувствовала, как ее ладони горят. Они горели, будто в руках она держит чистую лаву. Опустив ладони к груди, она заметила, что кровь испарялась прямо на ее глазах, затем пальцы почернели и в конечном итоге покрылись золотом. От шока София решилась взглянуть на свой идеал. Подняв голову, она увидела Оливию, молча стоявшую перед ней. Глаза девочки были из чистого золота. Она моргнула ими пару раз, и сильный порыв ветра сбил Софию с ног. Придя в себя, София обнаружила, что все пропало, и Оливия пропала, забрав с собой густой туман. Но одно осталось неизменным, единственное доказательство того, что все происходящее было реальным — это золотые пальцы Софии. Они все еще жгли, и по этой причине она решила спрятать их под перчатками.

Хейзел

Маленький черный ягненок издал свои последние жалобные звуки перед тем, как взмах топора навсегда отделил его голову от тела. Крупный плечистый рыжеволосый мужчина поставил окровавленный топор на траву возле пня, на котором сидел, вытер брызги крови с лица клетчатым синим платком и потянулся за ножом, чтобы выпотрошить тельце животного. Голова мертвого ягненка пролежала на траве в метре от тела совсем недолго — её подняла на руки женщина в оранжевом сарафане и белой рубашке. Волосы девушки тоже были рыжими, глаза серые, а на нежной коже лица, напоминавшей свежие персики, красовались веснушки. Длинные рыжие волосы были заплетены в косу, настолько длинную, что почти касалась земли.

— Брайан, сегодня у нас на ужин ягненок с тушеными бобами и свиными ушами.

— Ну что ж. Так тому и быть, Бриана. Думаю, мне необходимо съездить к мистеру Сарьярсу Паскалю. Может быть, он разрешит взять немного в долг.

— К владельцу кукурузного поля? Милый, я не думаю, что это хорошая идея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.